

и Дьюи. Сам Рорти, однако, придерживается иной точки зрения. Он пытается доказать, что методологический анархизм не только не противоречит идеологии прагматизма, но с не-преложностью вытекает из неё, составляет, наряду с антифундаментализмом, историцизмом и критическим неприятием догм метафизики, «квинтэссенцию» прагматистского философствования.

А. А. Шерер,

*ассистент каф. онтологии, логики и теории познания УрГУ
(г. Екатеринбург)*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ НОРМАТИВНЫМИ СИСТЕМАМИ

Как любое новое направление в общественных и гуманитарных науках, изучение толерантности прежде всего поднимает проблему самого определения понятия «толерантность». Причем для продуктивного введения культуры толерантных взаимоотношений в обращение требуется философское осмысление оснований толерантности. В предложенном докладе будет предпринята попытка приблизиться к философскому определению понятия «толерантность».

1. Рассмотрим, откуда идет сам запрос, само вопрошание о толерантности? Та исторически сложившаяся планетарная ситуация, которая проговаривает себя в терминах «кризисности», «экологического бедствия», «глобализации», постоянно назревающих и свершающихся «гуманитарных катастроф», выдает наступившую в мире тесноту. Такую тесноту, при которой становится невозможным продолжение взаимодействия по традиционной схеме «свои — чужие». Ресурсы, позволяющие обеспечивать «своих» привилегированными условиями, создавать и пестовать элитарную культуру, культуру «передовых стран», цивилизационной ойкумены, истощаются с каждым днем. Разделение «цивилизация — провинция» истощается, ставя вопрос о том, что дуальность «мое — чужое» изживает себя. На заре техногенной революции философия уже ставила вопрос об Ином, о Другом как о проблеме, проблеме философской. Иное, Другой перестали быть «слепым пятном» фоно-лого-центричных философских систем. Негативность стала открывать свою философскую значимость.

Теперь Иное, воплощенное в иной культуре, ином способе воспроизводства, ином мировоззрении, открыто являет себя феноменом перенаселения.

2. Толерантность при данном подходе будет выглядеть как такая позиция по отношению к иному, которая снимает с чужеродности значение чуждости, враждебности, а инаковость лишает ее негативной оценки, или, иначе, признает онтологическую ценность Другого. Лишение Другого негативности противоположения не есть его «освоение», делание «своим». При ведении толерантного диалога с Другим сохраняется его онтологический статус инородного, но при этом эта инородность лишается статуса «нехорошести». Нетолерантное признание чужого — чужим есть выведение его в зону отторжения, негации, нечувствительности. Изоляция инобытия производится через присвоение ему значения небытия, а небытия, как известно, нет. Поворот в философском осмыслении иного происходит в том случае, когда за небытием признается его существование, присутствие. Следующим шагом является принятие того, что инобытие тоже *есть*. [Если имеет свое место (онтологический статус) такая крайняя степень инаковости, как небытие, то тем более необходимо допустить существование инобытия.] Если признается одновременное сосуществование множественности «бытий», встает вопрос о конструировании таких онтологических моделей, в которых учтена многомерность бытия. Вариантом такой конструкции может служить полидискурсивная модель, активно обсуждаемая в современной, в т. ч. и отечественной, философии. А в ситуации, когда любой дискурс сам формирует свою онтологию, и нет единого «руководящего», *центрального* дискурса, претендующего на подчинение всех остальных, необходима стратегия взаимоотношений между различными дискурсами равных онтологических возможностей. Толерантность в данном случае может претендовать на роль такой стратегии (в противовес, к примеру, агону, равной борьбе как одному из вариантов взаимодействия).

3. Для того, чтобы удовлетворительным образом описать толерантность как стратегию отношений между равнозначными «инобытиями», требуется определить, каким образом будут рассматриваться сами участники стратегической игры в толерантность, что будет пониматься под закавыченными «свой» — «другой» (корректнее будет указать эту пару как

«два различных»). В данном докладе будет предложено этих различных рассматривать не как различные дискурсы, а как различные нормативные системы. (Вопрос о параллелизме между определением дискурса и нормативной системы заслуживает внимания и может быть обсужден особо.) Нормативная система в данном случае предстанет как структурирующая — конструирующая некоторое пространство. Конструирование ведется по типу ориентирования, построения неких координат. Причем эти системы координат, собственно говоря, задаются в качестве векторных ориентаций (т. е. нормативных стратегий) различной сложности. Толерантность выявляет себя прежде всего в сфере социальных отношений, которые будут рассматриваться здесь в качестве социальных процессов. Социальные процессы в таких координатных системах приобретают вид функциональных движений, заданных ориентирующими направлениями.

4. Иерархическое соположение таких векторных координатных сеток имеет непосредственное отношение к процедурам толерантности: в рамках соотношения различных нормативных систем механизмами, задающими отношение к Иному (причем и к Иному, как содержимому, наполнению, нормированного пространства), являются *Память* и *Забвение*. Любая «функция» (т. е. «график» социального процесса или индивидуального движения «по жизни») выдерживает свое единство (самоидентичность) только благодаря удержанию [его] в памяти нормативной системы координат, или возможности «переноса», «прочтения», «перевода», «интерпретации» функциональных значений в другой нормирующей сетке. Толерантность в данном случае предстает в качестве возможности «перевода», т. е. приятия и понимания инородных социальных движений в рамках «собственной» системы координат. Перевод есть гарантия непрерывности графика, а следовательно, и сохранения его самоидентичности, что, собственно говоря, и есть определение толерантной стратегии.